

«НЕДАРОМ ТЫ КО МНЕ ВОЗЗВАЛ...»

В записной книжке ПД 830 на л. 48—49 Пушкин начал работу над новым произведением, которую не довел до конца:

Не даром ты ко мне воззвал
Из глубины глухой темницы.
Не тем горжусь я, мой певец,
Что [привлекать] умел стихами
[Вниманье] [пламенных] [сердец],
Играя смехом и слезами,
Не тем горжусь, что иногда
Мои коварные напевы
Смиряли в мыслях юной девы
Волнение страха <и> стыда,
Не тем, что <у> столба сатиры
Разврат и злобу я казнил
И что грозящей голос лиры
Непр<авду> в ужас приводил,
Что < > вдохн<овеньем>,
И бурной [юностью моей]
И страс<тью> воли и гоненьем
Я стал известен меж людей, —
Иная, [высшая] награда
Была мне роком суждена —
[Самолюбивых дум отрада!
Мечтанья суетного сна!..]

В изданиях стихотворений Пушкина зачин всего намеченного произведения («Не даром ты ко мне воззвал / Из глубины глухой темницы») если и печатается, то как самостоятельный опус, а основной текст («Не тем горжусь я, мой певец» и пр.) трактуется как исповедь самого Пушкина — ответ на послание к нему из Тираспольской крепости «первого декабриста» В. Ф. Раевского.¹ Едва ли такая трактовка корректна. Строки «Не тем горжусь я, мой певец...», скорее всего, замышлялись как монолог тираспольского узника, обращенный к Пушкину. Своеобразной «визитной

¹ Данная версия предложена в статье М. А. Цявловского «Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому». См.: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 41—50. «Нам кажется, — замечал исследователь, — что зачеркнутые последние два стиха намечают тему бессмертия поэта в потомстве» (Там же. С. 45).

карточкой» В. Ф. Раевского здесь служила строка «Играя смехом и слезами» — отсылка к его сатире «Смеюсь и плачу», написанной в подражание стихотворению Вольтера «Жан, который плачет и который смеется». Действительно, на «Элегии» (фактически — сатире) В. Ф. Раевского обратила особое внимание расследовавшая его дело Военно-судная комиссия, которая, в частности, допрашивала подследственного: «Какой переворот и какую бурю вы здесь подразумевали?» (имеется в виду «Элегия II», которую Раевский назвал «Элегией к осени»).² В сатире «Смеюсь и плачу» обнаруживаются «те же мысли», что и в сочинении «О рабстве крестьян», автором которого узник себя не признавал: «Разница та, что в одном месте вы изложили оное прозою, а здесь стихами». ³ В «Заключении» трактата «О рабстве крестьян» раскрывается жизненная позиция революционера, которой он, несомненно, гордился:

Нет, не одно честолюбие увлекает меня на поприще деятельной жизни!
Любовь есть страсть минутная, влекущая за собою раскаяние. — Но патриотизм, — сей светильник жизни гражданской, сия таинственная сила управляет мною! Могу ли видеть порабощение народа, моих сограждан, печальные ризы сынов отчизны, всеобщий ропот, боязнь и слезы слабых, бурное негодование и ожесточение сильных — и не сострадать им?..

О Брут и Вашингтон! Я не унижу себя, я не буду слабым, бездушным рабом, — или с презрением да произносит имя мое мой ближний!..⁴

Строки, написанные Пушкиным, стали стилизацией стихотворений В. Ф. Раевского, посланных из заключения: «К друзьям в Кишинев» и «Певец в темнице».

Замысел произведения, намеченный в 1822 г., был исполнен три года спустя в исторической элегии «Андрей Шенье в темнице» (таково было ее первоначальное название). Недаром здесь мы находим отзвуки не только стихотворений французского поэта, но и элегий В. Ф. Раевского. Ср.:

Раздался звон глухой... Я слышу скорбный глас,
Песнь погребальную вдали протяжным хором,
И гроб, предшествуем бесчувственным собором.
Увы! То юноша безвременно угас!⁵

² Цит. по: Базанов В. Г. Владимир Федосеевич Раевский: Новые материалы. Л.; М., 1949. С. 162.

³ Там же. С. 154.

⁴ Раевский В. Ф. Соч. Ульяновск, 1961. С. 127.

⁵ Раевский В. Ф. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1967. С. 132.

...Твой глас струнами лир народам передастся
 И творческой рукой их мрак преобразит,
 Светильник возгорит!.. гармония раздастся!
 И в будущих веках звук стройный отразит!..
 <...>
 Свирепствуй, грозный день!.. Да страшною грозою
 Промчится не в возврат невинных скорбь и стон,
 Да адские дела померкнут адской тьмою...
 И в бездну упадет железной злобы трон!
 Да яростью стихий минутное нестройство
 Устройство вечное и радость возродит!..
 Врата отверзнутся свободы и спокойства —
 И добродетели луч ясный возблестит!..⁶

В «Андрее Шенье» последние строки откликнутся так:

И час придет.. и он уж недалек:
 Падешь, тиран! Негодованье
 Воспрянет наконец. Отчества рыданье
 Разбудит утомленный рок.

(II, 401–402)

В начале декабря 1825 г. в письме к П. А. Плетневу Пушкин воскликнет: «*Душа!* я пророк, ей-богу пророк! Я Андрея Ш<енье> велю напечатать церковными буквами во имя от<ца> и сы<на> etc.» (XIII, 249).

Заслуживает комментария строка «*Не даром ты ко мне воззвал*» (курсив мой). Вероятно, здесь имелось в виду стихотворение «Кинжал», работа над которым шла в той же записной книжке на л. 42, 45 об. — 46 и 64) как бы в ответ на призыв В. Ф. Раевского из крепости:

Оставь другим певцам любовь!
 Любовь ли петь, где брызжет кровь,
 Где племя чуждое с улыбкой
 Терзает нас кровавой пыткой,
 Где слово, мысль, невольный взор
 Влекут, как ясный заговор,
 Как преступление, на плаху
 И где народ, подвластный страху,
 Не смеет шепотом роптать.
 Пора, друзья! Пора воззвать
 Из мрака век полночной славы,
 Царя-народа дух и нравы
 И те священи времена,

⁶ Там же. С. 135.

Когда гремело наше вече
И сокрушало издалече
Царей кичливых рамена⁷.

В свою очередь, стихотворение «Кинжал» откликнется в элегии «Андрей Шень»:

Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламеня,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных;
Твой бич настигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных;
Твой стих свистал по их главам;
Ты звал на них, ты славил Немезиду;
Ты пел Маратовым жрецам
Кинжал и деву-эвмениду!

(II, 401)

В печати историческая элегия Пушкина появилась с посвящением Н. Н. Раевскому. Вероятно, и здесь можно увидеть намек на его однофамильца, Владимира Федосеевича, имя которого было нельзя в ту пору открыто упомянуть. В любом случае замысел подобного произведения возник у Пушкина именно в связи с судьбой тираспольского узника.

С. А. Фомичев

К ИСТОЧНИКАМ ПУШКИНСКОЙ «ФИЛОСОФИИ СЛУЧАЯ»: ГЕЛЬВЕЦИЙ¹

Пушкинская точка зрения на роль случая² в эвристике наиболее полно выражена в наброске «О сколько нам открытий чудных...»,

⁷ Там же. С. 154.

¹ Статья написана в рамках именной профессуры в Европейском университете в Санкт-Петербурге, спонсируемой The Coca-Cola Company.

² Социокультурный контекст отношения к случаю в пушкинскую эпоху исследован в классической работе Ю. М. Лотмана «“Пиковая дама” и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века» (наиболее доступное ее издание: *Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий.* СПб., 1995. С. 786—814). Обширный ряд возможных источников и параллелей к текстам

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

Выпуск 31

Сборник научных трудов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПУШКИНСКОГО ДОМА

Санкт-Петербург

2013